
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Белинский
(г. Москва)

СВЕТ НАДЕЖДЫ

Анатолий Белинский родился в 1944 году в Краснодарском крае, детство и юность провел в г. Ростове-на-Дону. Окончил Ростовское художественное училище им. М. Б. Грекова и Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское) по специальности «художник-конструктор». Почти сорок лет проработал в бюро технической эстетики в разных НИИ, одновременно занимался пейзажной и портретной живописью. Живет в Москве. Стихи пишет с юности. Произведения публиковались в литературных альманахах и журналах. Дипломант Международной поэтической премии «Образ». Автор книги стихов «Мелодии Нескучного сада», вышедшей в московском издательстве «Образ» в 2020 году.

СВЕТ НАДЕЖДЫ

Все чаще думаю о лете.
Мне зимний лес не по нутру,
Там ветви голые, как плети,
Поцелкивают на ветру.

Там пни чернеют островками
У перемерзшего пруда,
Простудно дышит сквозняками
Берез волнистая гряда.

Все чаще с робкою надеждой
Смотрю на лес, считая дни,
Где сквозь листву, густую прежде,
Бил солнца яркого родник.

Где и представить невозможно
Рассвет без трели соловья...
И в чаще, свет надежды множа,
О лете буду думать я.

ТРАМВАЙ

Пятнадцатый номер трамвая,
За окнами синяя мгла.
Дорога, как стрелка прямая,
В обратный конец пролегла.

Кондукторша что-то бормочет,
Зевок прикрывая рукой.
Пятнадцатый номер грохочет
Сегодня с особой тоской.

Провал безучастного неба.
Повсюду, куда ни взгляни,
Под медленным мартовским снегом
Бегут, исчезая, огни.

На эти щемящие виды
Мне грустно смотреть из окна,
И мысль о недавней обиде,
Как полночь, пуста и темна.

Трамвай отчужденно грохочет,
Мои поражения не в счет.
Но сердце смириться не хочет,
На что-то надеясь еще.

СТАРЫЙ ТАЛЛИН

Медный шпиль, устремленный в пространство,
Тает в сизой полуденной мгле.
Наслаждайся, влюбляйся и странствуй
По обласканной солнцем земле!

На фасадах дворцов без усилий
В архаическом блеске эпох,
Попирая приличья и стили,
Прорастает безнравственный мох.

От подвалов до крыш черепичных,
От колонн до лепных потолков
Ощущается духа величье
Мастеров прошумевших веков.

Есть душа у цветов и деревьев,
И у камня есть тоже душа.
У соборов, больных суевьем,
Как паломники, листья шуршат.

Кто же ты, очарованный странник,
Присмиривший у древней стены?
Окрыленного ль века избранник
Иль наследник седой старины?

Созерцай, удивляйся и думай,
Историческим ветром дыши...
Хорошо, когда в мире подлунном
Есть простор для ума и души.

В СНЕЖНУЮ НОЧЬ

В эту снежную ночь
Мы с тобой разминемся.
Мы пройдем где-то рядом,
Отчаясь вконец.
Не откликнемся, не обернемся
На биение жаждущих встречи сердец.

В эту вьюжную ночь мы с тобой не иначе
Станем жертвой проделок
Капризной судьбы.
И, во мраке дыханием путь обозначив,
Разойдемся, в снегах оставляя следы.

В эту зимнюю ночь,
В миг возможного счастья,
Без надежды глаза устремив в пустоту,
По капризу судьбы,
Как друзья по несчастью,
Мы пройдем, разминувшись,
С тобой в темноту.

* * *

Холодно. Чисто. Светло.
Солнца алмазные слитки.
За ночь сугроб намело
Вровень с калиткой.

Мне ли грустить одному!
С важностью первопроходца
В руки лопату возьму,
Тропку расчищу к колодцу.

Сяду на низенький сруб,
Взором окину пространство...
Здравствуй, врачующий труд!
Мыслей и чувств постоянство!

Андрей Новиков
(г. Липецк)

Наш постоянный автор.

ПЕРЕКРЕСТЬЕ

Летящий шум от мирсотворенья,
Из космоса до ветреного дня.
Я знал слова печали и забвенья,
Но думал: это все не про меня.

Из комнаты, откуда убежали
Года в стекло и залегли во тьме
На мрачные панельные скрижали
Пятиэтажек в тихой стороне.

У времени — замашки святотатца,
Бредущего на миражи огней,
В желании скитаться и расстаться,
Среди бетона, ветра и камней.

Так где живут согласные стихии
И ломаются от праздников столы?
Рога где поднимая золотые,
Бредут в тиши библейские волы?

Где вечности отпляшут на потребу,
Порой до крови закусив губу,
И где порой ломает стены небо,
Гудя в Иерихонскую трубу.

Там произносят тайное известье,
Оно и есть краеугольный пласт.
Земной дороги тяжелой перекрестье,
Сжимает нас и проникает в нас.

ВОЗРОДИВ ОГОНЬ

Возродив огонь из сажи,
Сотворив еще чудес,
Никому не скажешь даже,
Что и сам теплом воскрес.
Пламя языками чалит,
Треск костра почти затих
В толкование печалей
Или радостей благих.
Обостряет восприятие,
Познавать явленья суть,
Это странное занятие —

Изучать лучистый путь.
Жить бы дальше не по числам,
По законам естества,
Даль и тьму наполнив смыслом
Одинокого костра.

МЕЛКИ НА АСФАЛЬТЕ

На асфальте цветными мелками
Нарисованный домик с трубой,
Неказистый корабль с парусами,
Небосвод небольшой, голубой.

Голенастое дитяtko, здравствуй!
Дай вернуться в твой возраст на миг,
У курносого облика странствий
На лице торжествующий блик.

Простота накануне улыбки,
На качелях взлетает восторг,
И кузнечик играет на скрипке
В пестрой клумбе, похожей на торт.

Но упрямое время верстает,
Упрекнув фантазера во лжи,
Мальчуган дураком вырастает,
И зарёванный дальше бежит.

Так какой мы помазаны кровью,
Если гостем случайным в дому
Вера общая схожа с любовью?
Но противна хмельному уму.

БУБЕНЧИК

В жажде жизни, в ее круговерти
Перемешаны правда и ложь,
Много скучного в опыте смерти,
Не тождественно правилам... Что ж?

Безутешно одетый дух речи
Удивлял повседневности бровь,
И за ближнего страх недалече
Был на жалость похож и любовь.

Но размажь эту смесь мастихином,
Не желей не кармин, не белил,
Ремесла полновесным цехином
Ты давно и за все заплатил!

Небо крыл непечатною жостью,
Жадно ел пирожки с требухой,
Исходивший глухие предместья,
Молодой, бесшабашный, бухой.

Муки вечные щедрой пригоршней
Собирал и прощенья просил...
Потому и в груди скомороший
Вместо сердца бубенчик носил.

НОЧЬ

Дует ветер дел заплечных
Буйной голове в висок.
Путь, и тот явился Млечный,
Набекрень, наискосок.

Отчего смертельна свежесть
И поставлена в вину?
Волки, кровожадно нежась,
Скалят пасти на луну.

Клювы вороны прочистив,
Больше очи не клюют.
На душе светло и чисто,
Да и в душу не плюют.

Только чья — то тень святая
Тает в медленном огне,
Крылья больно вырастают
На истерзанной спине.

Порч и почестей небесных
Узелком связать невмочь,
За слезой простой и честной
Отправляйся в эту ночь.

ОДНА МИНУТА

Ушел в дурмане, стыдно малость,
Простые позабыл слова.
Черна, как хлеб, разлуки жалость,
Черства уютом, как вдова.

Не быть нам снова молодыми,
Уйти, и больше ничего,
К не подытоженной твердыне
Благоразумья своего.

Но век не изменяет облик
Для новой встречи роковой,
Пока еще не приспособлен
К отмщенью опыт неживой.

Когда дороги изогнуты,
Тоской пылят издалика,
Хватило бы одной минуты,
Чтобы простится на века.

Валерий Сухов
(г. Пенза)

ИСХОД
Цикл стихов

**27 июля 2021 года исполняется 180 лет со дня гибели
М. Ю. Лермонтова.**

Сухов Валерий Алексеевич родился в 1959 г. в с. Архангельское Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете. В 1997г. защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Работает на кафедре литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета. Член Союза писателей России. Автор семи сборников стихов. Стихи печатались в разных журналах. Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О, Русь, взмахни крылами...» и Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова за 2009 и 2020 гг. Редактор отдела поэзии журнала «Сура».

ПРИЧАСТЬЕ

Кесарь в «немой России»
Воцарил на века.
В полк Тенгинский — мессию
С глаз долой — от греха.

Бурлит Валерик в ущелье.
Смерти не миновать.
Принял в крови крещение,
А царю — исполать.

Поэт, как изгой, отвержен.
Власть пророков гнобит.
Кровавый финал неизбежен.
Он пулей «друга» убит.

Боже! Прости ничтожеств.
Помоги замолить грехи...
А царь Николай ведь тоже
Мог сочинять стихи:

«Туда ему и дорога.
Собаке собачья смерть...»
Дар пророка — от Бога!
Бездарна — зависти месть.

Царь или псарь — убийца?
Да не все ли равно.
Кровь Поэта струится,
Как причастья вино.

ЗЕМНАЯ ГОРЕЧЬ

Не узнать его в лихом рубаке
Со смертельным холодом в очах.
В красной канаусовой рубахе
И в косматой бурке на плечах.

А в хрящах заросшего ущелья
Клокотал реки гортанный крик.
В ярости кипя, на «голос мщенья»
По камням срывался Валерик!

Рукопашный в ледяной купели
Эхом отзывался по горам!
«Резались жестоко» и хрипели:
«Господи, спаси!» — «Аллах Акбар!»

Досыта свинца тогда хлебнули.
Но невидимым покровом крыл
От кинжала и чеченской пули
Охранил архангел Михаил.

Дождь хлестал, и выл протяжно ветер.
Пенилось кровавое вино.
Небо заглянуло в реку смерти —
В ужасе отпрянуло оно...

А полынь клонила под копыта.
И касался конь ее едва.
Все, что душу мучило — забыто.
Исцеляла горькая трава.

Слезы на седых степных ресницах
Отразили сумрак грозовой.
Вновь навстречу буре всадник мчится,
Напоенный горечью земной!

ИСХОД

И в небесах я вижу Бога.
М. Ю. Лермонтов

Огромной огненной купелью
Кипел полночный небосвод.
Поэт не спал перед дуэлью —
Предчувствовал ее исход.

Свеча погасла на рассвете.
Растаял пепел без следа.
И что писал он перед смертью,
Мы не узнаем никогда.

Какие строки родились
Под черным дулом пистолета?
На сердце кровью запеклись
Последние стихи поэта...

Судьбе доверился он слепо.
И роковой замкнулся круг.
Упав на землю, обнял небо
Раскинутым изломом рук.

Открылась звездная дорога
К вершине тверди голубой.
И в миг последний образ Бога
Поэт увидел над собой!

СТЕПЬ

А моя мать — степь широкая.
М. Ю. Лермонтов

У татарника — медовый запах,
Но роднее горькая полынь.
Не перестает о сыне плакать
Зноем горя выжженная синь.

«Странная любовь» — любовь до боли.
И не всем ее дано понять.
Только степь ему была, как мать.
И о ней он тосковал в неволе.

У горы Машук в чужом краю
Перед смертью родину он вспомнит.
И полынь седая тихо склонит
Над поэтом голову свою...

ТАКАЯ РУССКАЯ СУДЬБА

Поэт по склону Машука
Взошел на русскую Голгофу.
И хлынул ливень на века!
От грома Петербург оглохнул.

Казалось, молнией гроза
Его сразила, а не пуля...
«Собачья смерть» — так царь сказал —
Псарь руки потирал, ликуя.

Такая русская судьба.
«Чего везете?» —
«Грибоеда»...
И вновь прокрустова арба
Лафетом стала для поэта.

Не поместилось тело в ней,
Забрызганное красной глиной,
К земле клонилось все сильней
Кустом надломленной рябины.

Повержен демон — и уста
В усмешке горестной застыли...
Пророка, снятого с креста,
Без отпеванья схоронили.

ДОЖДЬ В ТАРХАНАХ

И снова дождь пошел в Тарханах,
Окутав дымкой степь кругом.
Так плавно с колокольни храма
Волною наплывает звон.

Поэта в церкви отпевают.
Дрожат молитвенно уста.
И оживают, оживают
Глаза распятого Христа.

Он в светлой муке всепрощенья
С молящихся не сводит глаз,
Благословляя за мученья,
Которые принял за нас...

Июльский дождь идет в Тарханах.
Июльский благодатный дождь.
Земли залечивая раны,
Шумя, как молодая рожь.

И вспомнится лиловый ливень
У проклятой горы Машук.
Да! Трудно выбрать смерть «счастливей».
От пули. Молодым. Без мук.

Да! Лучше умереть на взлете,
Чем на излете умирать...
И вырвалась душа из плоти,
Чтобы обнять, тоскуя, мать.

Летящую над черной бездной
Ее — архангел Михаил
Всем воинством своим небесным
От злого демона хранил...

Шумит под дождиком осока.
И тихо дремлет старый пруд.
А надо, в сущности, немного.
На миг остановиться тут.

Услышать благовест рассвета
И вдруг увидеть рай земной.
Мятежная душа поэта
В нем светлый обрела покой.

СОЛОВЬИ

Есть загадка у песенной силы,
И ее нельзя разгадать.
Соловиный язык России
Может только поэт понять.

И весной на рассвете рано,
От росы охмелев до зари,
Только так в родимых Тарханах
Могут русские петь соловьи!..

Сердце снова забыться хочет.
Окунуться — хотя б во сне —
В синеву соловьиной ночи
И вишневой метели снег.

Нет! Последняя песня не спета.
Потому от зари до зари
Над свинцовой купелью поэта
Так безумствуют соловьи!

Владислав Бусов
(г. Кашира Московской области)

«БОЖЬЕЙ ДУДКИ» СЛЫШУ ГРУСТЬ...

Владислав Бусов родился в 1946 году в Мариуполе. Образование высшее техническое. Соавтор поэтических сборников «Библиотека современной поэзии», «Серебро слов», антологии «Золотое перо Московии», альманаха «Рукопись», журналов «Поэзия», «Александръ», «Причал», «Бийский вестник». Лауреат литературного конкурса Георгия Кольцова «Звездное перо». Член каширского литературного объединения «Зодиак».

ПРИКОСНОВЕНИЕ

«Несказанное, синее, нежное...» —
Я держу поэтический клад,
А поля нынче зеленью свежую,
Как и прежде, мой радуют взгляд.

След поэта в трагической точке,
След поэта в приокских лугах,
В каждой памятной образной строчке
И в привольных весенних полях.

Проскакать бы за ним мне вдогонку,
Так, как он «гулкой ранью» скакал,
И увидеть того жеребенка,
О котором в стихах написал.

Посмотреть бы с холма на излучину
Той реки, у которой он рос,
Чтоб в душе отозвался созвучием
Тихий шелест рязанских берез.

* * *

Гой ты, Русь, моя родная...

Сергей Есенин

Я сегодня встану рано,
Чтоб увидеть ширь полей.
Солнце мне блинов румяных
Испечет погорячей.

В небе жаворонок вьется
С песней звонкою своей.
Славно так ему поется,
От нее в душе светлей.

Я сегодня утром рано
«Божьей дудки» слышу грусть.
Так поэт золотоглавый
Воспевал родную Русь.

* * *

*Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.*

Сергей Есенин

Найти слова мне осени печальной
О времени багряно-золотом,
И чтоб звучало это не банально
И озаряло тихим светом дом.
Тот дом родной родительский поэта,
Что по сей день живет в его стихах,
Не потому ли первоначальным светом
Горят костры в рябиновых садах...

* * *

*О, Русь, взмахни крылами!
Поставь иную крепь!*

Сергей Есенин

Во все года былые
Поэта глас в России
Звучал, как камертон,
Звал к обновленью он.
Кольцов в «золотой ряднине»
И Клюев, как и ныне,
«Средний брат» он с ним,
Деревне пели гимн.
Шел вместе с ними в ногу,
Молясь в дороге Богу,
Есенин, воспевая
Родную Русь, и рая
Ему взамен не надо.
Поэту как награда
«Воспрянувшая» Русь.
С ним тоже помолюсь:
Как прежде, в небе синем
Лети, страна Россия!
Все помыслы о том —
Будь сильная крылом!

ЕСЕНИНСКАЯ СТРОФА

Выткнулся на озере алый свет зари...

Сергей Есенин

Выдался по-летнему теплый майский день.
Средь березок трепетных птиц веселых звень.

Небеса лазурные не омрачены
И лучами-струями светят с вышины.

Буйный цвет черемухи — от нее дурман.
Яркими, как сполохи, грезами я пьян.

Пронесется с ветрами дивный месяц май,
Отзвенит приветами и покинет край.

Юность не воротится, сколько ни проси.
Колокол на звоннице зазвучит в выси.

В жизни так устроено — прорастет зерно.
Каждому отмерено то, что суждено.

ОБРАЩЕНИЕ

В честь святого Радонежского Сергеем
Вас назвали, тезкой Вашим был и мой отец.
Жили вы в Москве в одно и то же время —
Время новому начало, старому — конец.

Говорил отец мне, по Первопрестольной
Нехороший будто слух ходил тогда о Вас,
Слух, что в пьяных драках и кабацких ссорах
Круговертью скорой жизнь поэта пронеслась.

Только далеко не это отмечал он —
Отмечал, что Богом свыше данный Вам талант
Молодым служил поэзии иконой,
Громко по стране родной звучал его набат.

В пору прославления соцреализма
Долго разложения на Вас висел ярлык —
На Руси глухим вождям социализма
Было не дано услышать Ваш душевный крик

Вы, поэт, ушли так очень рано в вечность
На крутом изгибе сложных и безбожных лет,
Оставаясь с милой Родиной сердечной,
Сотворив себе стихами звездный яркий след.

* * *

Колокольною медью звенит
Одинокая в поле береза,
Листья желтые сбросив свои
В ожидании первых морозов.

Вот зазимок припорошит
Серебром ее ветви нагие,
Будет платье ей белое шить,
Наряжая в искрящийся иней.

Словно Лебедь она проплывет
И закружится в танце со звоном.
Знать, пришел в ее жизни черед
Обручиться с есенинским кленом.

* * *

Кто на Ваганьковском, кто на Аладьинском —
Там их земля приняла.
Голос поэтов возвышенный ангельский
Рвал кабалы удила.
Пел соловьиною ночью весеннею
Песню рязанский поэт.
Далью сибирской, зарею осеяной,
Послан созвучья ответ.
Спите, сыны слова русского славного,
Родина помнит о вас.
Вы со стихами, где строки все главные,
Гордо взошли на Парнас.

* * *

На крыльцо зайду и в сени
Дома твоего.
Я приду к тебе, Есенин,
Постучусь в окно.

Ты откроешь мне калитку,
В сад с тобой пройду,
Там, где белая накидка
Яблони в цвету.

Постоим мы у сарая,
Вспомним сеновал,
На котором ты, мечтая,
О любви писал.

И пойдем на луг, Есенин,
Ты покажешь мне,
Где пасутся в час весенний
Кони на заре.

Сколько лет пройдет, не знаю,
Но скажу, поэт,
Ты в душе моей оставил
Неизбывный след.

* * *

Распускается тополь по-прежнему,
Посадил его в мае поэт.
На поля выходил он безбрежные,
На луга, где лазоревый цвет.

На Оку выходил синеглазую
И в просторные дали глядел,
И слова оживали неспроста —
Он стихами за Русь отболел.

И поныне живет слово чистое
И лучистое, словно венец.
Там, за дальними вечности высями,
Бережет его душу Творец.

Валерий Кулешов
(г. ЩекиноТульской области)

СЛЕЗА И СВЕТ

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

* * *

Когда меня прочтут,
пусть для начала — это,
дежурный подавив зевок,
откроется она — моя планета,
притянет,
чтоб прочесть — меня всего.

Она везде и здесь,
пред слухом и за взглядом,
она уже звучит,
хотя неясен звук:
неведомое — там,
ниспосланное — рядом...
Она — из первых рук.

Когда меня прочтут,
всего прочтут, и — больше,
услышат даже то,
что я сказать не смел...
Когда прочтут меня,
тогда воскликну: — Боже!..
что получил,
сполна я отдал всем...

* * *

В зыбких сокрыта знаках
вечная тайна души.
Если во сне — не плакал,
и наяву не жил.

* * *

Одну и ту же песнь жуем
(вся жизнь на вырост):
что из того, что в долг живем,
Господь — не выдаст...

У Бога
взгляд на все— иной.
А это значит:
казниться нам своей виной.

Господь — не плачет.

* * *

Как пусто все... Неужто сорван
Покров?
Проклятию сродни
суть подменяющие формой
бессовестные наши дни.

Но ляжет ночь. И в славе полной
Господь.
Вновь царствуя в ночи,
вздыхает Он
и катит волны:
молчит и смотрит... и молчит.

* * *

...а настоящее — не с нами:
свеча
над вечностью горит...
Душа —
она времен не знает,
которые сама творит.

Но вечность — каждую отметит.
И вздрогнешь,
так и не узнав,
ту искру,
что мелькает в этих,
судьбой завязанных узлах.

* * *

Явь неоглядную застит
морок неверных снов,
и
— у него во власти —
цифру сбиваем в число.

Бокон выходит дело,
гранью добра и зла.
Слово
— душой из тела —
тихо течет из числа.

* * *

Все, что имею,
теперь это ваше.
Силы по крохам собрав,
песня крылами прощальными машет,
всем вам желая добра.

Все, что могу.
За душою — лишь слово.
Знайте, родня и друзья:
можно и жизнь положить за другого,
прожить за него нельзя.

* * *

Я прошел по земле,
я устал торопиться,
я прошел по земле,
продохнуть бы чуток, да водицы.

Я стою на земле,
изнемогшие ноги не держат,
я стою на земле,
изогнулись и посох, и стержень.

Я сижу на земле,
нету мочи собраться, подняться,
я сижу на земле,
вы простите уставшего, братцы.

Я лежу на земле,
наточите острее лопаты,
я лежу на земле,
проводите достойно, ребята.

Я лежу под землей,
я в земле — не растаю,
я лежу под землей,
я в ее сердцевину врастаю.

Я взойду из земли,
поднимаясь глубинною песней,
я взойду из земли,
оставаясь корнями с ней вместе.

Поднимусь над землей,
загляну в неземные пределы,
поднимусь над землей,
значит — путь свой недаром проделал.

Растворюсь в небесах,
но с землей — не прощаюсь:
растворюсь в небесах,
ясным светом сюда возвращаясь.

ПОЛЕ ЖИЗНИ

...в целом его — не вижу
(жгуч горизонт в глазах),
шире куда и выше
грозный его размах.

Даже прошив пространство,
суть — подведя итог,
здесь
навсегда останется
строчка моих следов...

* * *

Еще давалось, что звалось,
что отзывалось,
а дуновение с волос —
такая малость...

Все было так. Совсем не так
все это ныне:
одно в потерянных следах —
трава да иней.

И только пьяный ветерок
в порывах слабых...
Но как же близок... как далек
твой запах.

* * *

День ото дня — потери
(мало ли что хотел...),
временем — не владею,
главная из потерь.

Много чего осталось,
если, звезде верна,
ловит усталая старость
свет на конце пера.

* * *

Не разобрать: где явь, где сон...
Молчи и слушай,
как этот птичий перезвон
взрывает душу,

как на осколках чувств твоих,
тех чувств великих,
простое чудо сотворив,
играют блики

огня былого,
как знаком
и близок вроде,
извечный подтвердив закон,
свет новый всходит...

* * *

Эта песнь — не моя,
отголосок чудного, все более внятного зова,
но ее — мне пропеть суждено,
я не знаю,
откуда скупое, корявое слово,
и за что мне досталось оно.

Я нашел это слово,
сложил его в странную песню,
я искал его, душу при этом спалив...
Встречный поиск,
и он оправдается, если
эта песня меня вдруг признает — своим.

ВОПРОС

Что это было... и зачем?..
И мне — в ответ
неумолимый глас Очей:
слеза и свет.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

* * *

Плоды победы раздарив
Тем, кто подарков недостоин,
Героев занесли в архив
Примером для грядущих войн.

И стали снова жить как встарь,
Уроков снова не усвоив.
Не одолев еще букварь,
Храм знаний бодро взялись строить.

Но выходило все не так,
Как было в липовых отчетах.
Те, кто привычно гнали брак,
Не слазили с Доски почета.

А те, кто что-то создавал,
Тонули в море указаний.
Инструкций и запросов вал
Вел в завтра как Иван Сусанин.

В бумажном мире и прогресс
Возможен только на бумаге.
Росло число чиновных мест
В заботе о народном благе.

Собою заменив народ,
Номенклатурные банкроты
Страну вели за годом год
В туманом скрытое болото.

И грязь взлетала все смелей,
Крича: «Настало наше время!»
Под смрад болотных пузырей
Взрастало молодое племя.

А кулики со всех сторон
Хвалили аромат болота.
Мол, вам мозги прочистит он
И напрочь снимет все заботы.

Все круче становился путь
Под одобренье заграницы.
И оставалось лишь чуть-чуть,
Чтоб прямо в топь лицом свалиться.

А на лицо летел туман.
На коже от его порывов
Из незаметных микроран
Рождались гнойные нарывы.

И три упитанных прыща,
Плененные болотной гнилью,
Свет лучшей жизни обещав,
Страну вконец с дороги сбили.

Она распалась на куски,
Упав в болотистую жижу,
И стала промывать мозги
В заботе о своем престиже.

А к ней, спеша наперебой
Решать насущные вопросы,
Уже веселою гурьбой
Слетались орды кровососов.

И берег был не так далек,
Но путь назад стал слишком сложен:
Нет больше связки рук и ног,
А голова болтать лишь может.

Плоды победы раздарить,
Конечно, можно: только вскоре
И память можно растворить
В налипшем на былое вздоре.

* * *

Клинок гражданской лирики в крови
Предавших и народ, и идеалы.
Но, как и прежде, врут календари,
Убогих поместив на пьедесталы,
Об их заслугах день за днем твердя,
Их грязные дела опровергая.
Из пустословья замки возводя—
От повторений крепнет чушь любая.
И продолжает снова предавать
Род мыльных пузырей, надутых кровью.

Чего у этой стаи не отнять —
Так это их завидного здоровья.
Раздавишь их — они всплывают вновь,
Переменив лишь грязную одежду.
И в уши льют свою дурную кровь
Внимающим им с завистью невеждам.

* * *

Уходят творяне великой страны.
А что остается — менялы и клерки.
И, в общем, большие права им даны,
Но как их дела мимолетны и мелки.

Уйдут — и сотрет их следы пустота,
Которой они в этой жизни и были.
Но это скрывала тогда суета,
И, вроде бы, с пользой дни проходили.

И был так комфортен привычный обман
Для громкоголосых порожних сосудов.
Природа всегда прикрывает изъян,
Возникший в создании нового блюда.

Из проб и ошибок, из боли и слез
Природа себе отберет лишь крупницы.
А то, что сегодня не вызвало спрос,
Живет и собою гордится.

* * *

Чем больше самомнение,
Тем меньше в мире гениев.
Лишь у себя, любимого,
Достойные творения.
Все прочее — ничтожные
Попытки подражания.
Авторитеты ложные,
Ошибочные знания.
Чем меньше самомнение,
Тем мир вокруг привычнее.
За чудные мгновения
Сойдут вполне обычные.
А что до гениальности —
То это нам неведомо.
Зачем такие крайности,
Не из разряда бреда ли?
Коль в меру самомнение,
Жизнь мчит вперед уверенно.
Но все ж гнетут сомнения:
А мера кем измерена?

* * *

Если стареть не хочется.
Есть много других занятий:
Таежное одиночество,
Участие в регате,
Автопробег по Крыму,
Поход на Кардывач,
Ловля зимой налима
Или хоккейный матч.
Если болеть не хочется,
То нужно забыть про ЗОЖ,
Чтобы не заморочиться
Тем, что ты ешь и пьешь.
В мыслях болезни прячутся
И выжидают час,
Чтобы весь хмель чудачества
Выветрился у нас.
Чтоб стала жизнь размеренна,
Сжавшись до рамок «Тут».
И уж тогда уверенно
К власти они придут.

* * *

Под смех гиен в людской саванне
Брели мы часто наугад,
И каждый встретившийся странник
Для нас, наивных, был как брат.

И были мы всегда готовы
С ним разделить и хлеб, и кров,
И верить сказанному слову,
И не искать кругом врагов.

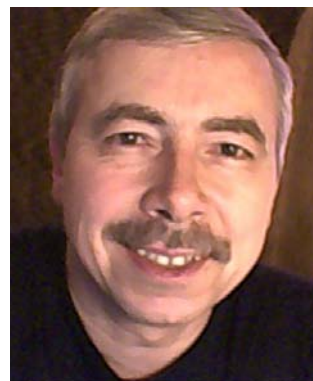
А между тем, врагов хватало.
Но под наркозом доброты
Мы так стремились к идеалам,
Что были слепы, как кроты.

Мы и теперь врагов не ищем.
Пусть вновь ползут во тьму веков.
А мы останемся лишь пищей
Для их досужих языков.

Под смех гиен в людской саванне
Мы продолжаем тяжкий путь.
Чтобы придти в конце исканий
Когда-нибудь куда-нибудь.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ГЛАВА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

Наш постоянный автор, дважды лауреат (по поэзии и публицистике) всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЛАМПАГИЯ И МУНУЗА

Посмотреть на девицу
желает вали,
И Лампагию тут же
к нему привели.

Повидал он немало
невольниц, гетер...
Но за сердце схватился
суровый бербер!

Сразу бросило в жар,
застучало в висках.
Он с великим трудом
прошептал: «О, Аллах...

Под угрозой рассудок
раба твоего...»
Красота юной девы
сразила его.

Показалось ему,
будто ангел с небес
Снизолет до него
под походный навес.

Луноликой богини
чарующий стан
Волновал и манил...
Что с тобою, Утман?

Ведь тебе не впервой
брать добычу на меч.
Сколько было в походах
насильственных встреч!

Сколько ты обесчестил
и отдал в обоз...

А теперь онемел
и растроган... до слез?!

Ты желаньем горишь,
чтоб любила тебя
Эта лань не за страх,
а... душою любя?!

Что за глупая блажь!
Уж не юноша ты:
Мог и сам бы понять,
что напрасны мечты.

Даже если разденется
здесь донага,
Неужели всем сердцем
полюбит врага?

И — опомнись, вали,
не затем ли ты здесь,
Чтоб кафирам нести
справедливую месть?

Ты умом рассуди:
при таких-то делах
Как поладит с Христом
всемогущий Аллах?

А что скажет Дамаск*?
Правосудный халиф?..
Но безмолвен наместник
и, вздох затаив,

Только с нежностью смотрит
на девушку. Он
Очарован, восторжен,
безумно влюблен...

С подчиненными строг,
а порою и крут
Тот, которого франки
Мунузой зовут.

Трижды хлопнув в ладоши,
он слуг подозвал
И отдельный поставить
шатер приказал:

«В нем во время походов,
чтоб ей не тужить,
Будет в полном довольствии
пленница жить.

Называть ее всем
госпожою велю.

* Столицей халифата во времена династии Омейядов был город Дамаск.

Кто обидит, того
на куски изрублю!»

Каждый вечер он к милой
в шатер приходил.
Был он ласковым с ней
и подарки дарил.

Он не трогал ее.
Становясь все нежней,
Он арабские сказки
рассказывал ей.

Пел ей песни пустынь,
чем богат его край,
Про верблюдов в пути
и оазисов рай.

Обучал *аш-шатранджу**,
Великой игре...
И надежду лелеял
в желанном шатре.

Говорил: «Моя жизнь
для тебя лишь одной!»
Он смиренно молил ее:
«Стань мне женой!

Я люблю тебя, пери!
Хоть я и не юн,
Будь со мной, моя Лейла,
а я твой Меджнун!»

Дева слушала молча,
потупясь в кошму.
Но однажды она
улыбнулась ему...

Тем, кто любит, совет
да любовь! И почет...
Так там было иль нет,
кто теперь разберет?

Между нами столетий
таинственный мрак.
Только хочется верить,
что все было так,

Что любовь держит верх
над жестокой войной...
И Лампагия стала
Мунузе женой!

* Аш-шатрандж (араб.) — шахматы.